

АЛАНЫ В ЕВРОПЕ

В. Б. Виноградов

Без малого две тысячи лет назад на страницах поэтических, исторических и географических сочинений появились первые сведения об аланах. С тех пор о них писали и пишут многие и много. Однако широкому кругу читателей не всегда доступны и сумма основных сведений об этой группе населения тогдашней Европы. Обобщение и трактовка имеющихся об аланах материалов должны позволить полнее и ярче представить соответствующие эпохи, события и людей, всю ту труднообозримую в пространстве и во времени историческую панораму, на первом плане которой в шуме битв, дорожном гаме переселений, хитросплетениях политики и повседневностях мирного труда, то затихая, то набирая мощь, явственно звучал голос одного из давних народов.

1. Накануне «великого переселения»

На рубеже н. э. в степях Восточной Европы в конгломерате различных племен и племенных союзов главенствовали сарматы, отдельные группы которых были известны под именами «язиги», «роксоланы», «сираки», «аорсы» и др.¹ Сарматы являлись источником постоянных тревог для оседлых жителей. В глубине их территории накапливалась, клокотала, искала выхода экспансия, порожденная особенностями социально-экономического развития скотоводов-номадов, для которых бесконечные войны, набеги, междоусобицы и грабеж соседей были постоянным явлением. Любые перемены в местной расстановке сил, любые новости из беспокойного кочевнического мира внимательно отмечались, запоминались и подвергались анализу, ибо были чреваты серьезными последствиями. Не прошло незамеченным и появление алан. Они оказались в поле зрения античных авторов в середине I века. Сенека, Лукиан, Валерий Флакк, повествуя о делах минувших дней и «осовременив» состав их участников, называли алан в числе обитателей Подунавья, Кавказа и Закавказья. Придунайская локализация подтверждается сведениями Плиния Младшего. Кавказские же ориентиры находят объяснение в пространном рассказе Иосифа Флавия, из которого следует, что аланы жили около Танаиса (Дона) и Меотийского озера (Азовского моря), а на Кавказ совершали опустошительные набеги.

В последующих источниках аланы нередко фигурировали под общим наименованием «сарматы» или включались им в число других родственных племен. Термин «алан» представляет собой диалектное оформление древнеиранского слова «ариана», популярного в этнонимике и ономастике скифо-сарматского населения². Анализ исторических коллизий I в. н. э. и археологических данных позволил объяснить появление алан в Восточной Европе как следствие их усиления внутри североприкаспийского объединения сарматских племен, возглавленного аорсами³. Новая этно-политическая сила громко заявила о себе. Упоминаниями о «неукротимых», «храбрых», «вечно воинственных» аланах пестрят источники той поры. Ала-

¹ K. Smirnov. *Reparation des tribus sarmates en Europe Orientale*. «VIe Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques». М. 1962.

² В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Вып. I. М.-Л. 1949, стр. 256.

³ E. Täubler. *Zur Geschichte der Alanen*. «Klio», Bd. IX, Hft. 1, 1909, S. 22; К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. «Краткие сообщения» Института истории материальной культуры. Вып. 34. М. 1950, стр. 108—109; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный. 1963, стр. 160—165. Несколько иную трактовку см.: Ю. С. Гаглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси. 1966.

ны совершали походы через Кавказ, пользуясь как Дарьяльским («Аланские ворота»), так и Дербентским проходами, разоряя Армению, Атропатену и доходя до Каппадокии (как это было в 134 г.). Установив контакт с некоторыми северокавказскими горскими племенами, они стали подлинным бичом Закавказья. Отголоски этих событий сохранились, кроме античных, в армянских и грузинских хрониках⁴.

Аланы были активны и на берегах Истра (совр. Дунай). Полноводная река не служила защитой римским провинциям от набегов, во время которых аланы «уводили в плен мужчин и женщин, угоняли скот, злобно радуясь гнилым пепла сожженных селений» (Аммиан Марцеллин); биографы римских императоров II—III вв. сообщали, что их патроны «не раз обуздывали поднимавшихся войной алан» (Юлий Капитолин); что в дни императорских триумфов в Риме аланы шли «со связанными руками, как пленники», а их прекрасные кони доставались победителям (Флавий Веспасиан Сиракузянин); аланы принимали активное участие в делах Боспорского царства: в Фанагории существовала группа аланских переводчиков, во главе которой в 208 г. стоял Ирак⁵; воинский авторитет алан так значителен, что было создано специальное военное пособие — руководство для борьбы с ними («Диспозиция против алан»), а римская кавалерия заимствовала ряд тактических приемов аланской конницы⁶.

Аланские приметы в жизни тех столетий разнообразны и причудливы. Император Адриан в надгробной надписи превозносил любимого «аланского коня», с которым он «летал» по холмам и болотам Тосканы⁷. Император Максимин Старший стыдливо скрывал, что мать его была родом из племени алан. Правитель Каппадокии Флавий Арриан считал важным создать труд «Аланская история». Римский поэт Павсаний клеймил соотечественников за увлечение пришедшей от алан модой на драгоценные камни. Во II в. н. э. упоминается «Алания» как территория, заселенная аланами. Тогда же р. Терек получает название «Алонта». Не позднее середины III в. в китайских летописях прежние владения аорсов, локализуемые в арало-каспийских степях, переименовались в «Аланья»⁸. Одновременно со страниц источников исчезают названия иных сарматских племен. Все это вехи процесса, суть которого заключалась в том, что аланы «мало-помалу постепенными победами изнурили соседние народы и распространили на них свое имя»; прежде разобщенные племена «приняли одно имя, и теперь все вообще называются аланами, так как нравы и образ жизни у них одни и те же» (собственно же аланы «высоки ростом и красивы», светловолосы, быстры в движениях, внушают страх «сдержанно-грозым взглядом»)⁹.

В общественном строе аланского союза сохранялись черты военной демократии. Еще не исчезли рядовые свободные. Вожди же избирались по признаку длительных военных заслуг. Однако археологические источники свидетельствуют об уже шедшем социальном расслоении внутри алан. Возникли те постоянные военные дружины, в которых таился зародыш будущего «упадка старинной народной свободы, и такую именно роль они сыграли во время переселения народов»¹⁰. На Северном Кавказе аланы стали переходить к оседлости. Тут возникли первые аланские поселения, и именно тут мы находим катакомбы (подземные камеры с узким входом) как типично аланское погребальное сооружение¹¹.

⁴ Моисей Хоренский. История Армении. СПб. 1858, стр. 94—104; Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси. 1959, стр. 100—130; Ю. С. Гайлойти. Указ. соч., стр. 62—89; В. Б. Виноградов. Указ. соч., стр. 165—173.

⁵ В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. «Известия» Государственной Российской археологической комиссии. Т. 40. 1911, стр. 113; Е. С. Голубцова. Некоторые вопросы политической истории Боспора I—II вв. н. э. «Вестник древней истории», 1961, № 1, стр. 119.

⁶ А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М. 1971, стр. 64—90.

⁷ F. Altheim. Niedergang der alten Welt. Bd. I. Wien. 1952, S. 113.

⁸ И. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.—Л. 1950, стр. 150, 186, 229.

⁹ Аммиан Марцеллин. История, XXXI, 1, 2, 12—25 («Хрестоматия по истории древнего мира». Т. III. М. 1953).

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 143.

¹¹ Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореферат канд. диссерт. Л. 1956; К. Ф. Смир-

В III в. аланский союз утратил контроль над землями между Дунаем и Доном. Там расселилось германское племя готов. Зато усилилось аланское проникновение в города Боспора. Вероятно, не без их участия был разгромлен в 240-х годах Танаис¹². Алано-сарматы кочевали теперь в степях Задонья и на равнинах Северного Кавказа. Вплоть до середины IV в. они не имели здесь соперников. Но еще точнее зрела и набирала силы та «внезапная буря», которой суждено было стать «корнем разнородных бедствий» (Аммиан Марцеллин).

2. От Меотиды — в Центральную Европу

Немногочисленные дошедшие до нас повествования услужливо подсказывают оценку гуннского нашествия как «снегового урагана в горах», «внезапного натиска», «внезапного неистовства», «всепожирющего пожара»¹³. Успех гуннов был очевиден, а последствия его грандиозны и ужасающи. Их появление из степей Средней Азии близ Дона относится примерно к середине IV в. н. э.¹⁴. Первой преградой на их пути в Европу оказались аланы и возглавленный ими союз племен, поражение которому было нанесено не сразу. «Расселившись на дальнем берегу Меотийского озера (Азовское моря.— В. В.), гунны «стали тревожить покой соседних племен коварством и грабежами»; прежде, чем подчиниться им, аланы были «обессилены частыми стычками»¹⁵. Трагедия завершилась около 370 г. страшным разгромом, учиненным «танаитами» — аланам, жившим по Танаису. Гунны «многих из них перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора»¹⁶. В последующие годы ту же участь испытали аланы Северного Кавказа¹⁷. Так было положено начало оформлению пестрого в этническом отношении гуннского племенного союза. Объектом агрессии новых союзников стали остготы, одна из ветвей готов, чьи владения располагались к западу от Дона. Молва по-разному характеризовала действия нападавших. Иордан говорил о гуннских набегах и называл того вождя гуннов, который двинулся на остготов; Аммиан Марцеллин не только подчеркивал, что именно содействие алан помогло гуннам, но и самих нападавших нередко называл аланами; Амвросий же оценивал случившееся так: «Хунны восстали на алан, аланы на готов, готы на тайфалов и сарматов»¹⁸.

Глава остготского племенного союза Германарих тщетно пытался противостоять аланам. Его преемник Витимир стремился использовать против алан часть подкупленных им гуннов, однако затем погиб в битве. Наследовавший ему малолетний Видерих был взят под опеку остготскими вождями Алатеем и Сафраком, которые сочли возможности вооруженного сопротивления исчерпанными и возглавили часть остготов (примерно 15—20 тыс. воинов)¹⁹, решившую искать спасения в отходе на запад. Вместе с ними к Дунаю отходили также вестготы (западная группа готских племен), изувверившиеся в возможности противостоять гуннам и не желавшие попасть в зависимость от них. Готы перешли в пределы Римской империи, а их преследователи докатились до Дуная, разорили несколько пограничных городов, но не стали пока продолжать натиск, ибо значительные гуннские силы были заняты военными действиями на Кавказе.

Таковы события, привязавшие значительную часть населения прежнего аланского союза к гуннской политике. Но далеко не все аланы стали придатком гун-

нов. Сарматские катакомбные погребения и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. «Советская археология», 1972, № 1, стр. 73—81.

¹² Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в I—IV вв. М. 1972, стр. 300.

¹³ Аммиан Марцеллин. XXXI, 3, 1—2 (указ. изд.); Павел Орозий. VII, 33, 10 («Historiarum adversum paganos libri VII». Lipsiae. 1889).

¹⁴ А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л. 1956; Л. И. Гумилев. Хунну. Средняя Азия в древние времена. М. 1960; И. А. Стучевский. Атилла. «Вопросы истории», 1968, № 12.

¹⁵ Иордан. О происхождении и деяниях готов. М. 1960, стр. 90—91.

¹⁶ Аммиан Марцеллин. XXXI, 3, 2.

¹⁷ М. И. Артамонов. История хазар. Л. 1962, стр. 51—54.

¹⁸ Ambrosius. X, XXI («Patrologiae cursus completus». Series latina. T. 14, P. 1886).

¹⁹ L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen. München. 1934, S. 258.

ских орд. Немало их отступило в лесистые горы Кавказа. А в степях Восточной Европы часть алан предпочла сразу же искать спасения в уходе на запад. Этим скорее всего и объясняется упоминание о неких «европейских аланах» около Днестра²⁰, и отсюда же становится понятным «раздвоение» алан, наблюдаемое в последующих событиях. С одной стороны, они вассалы гуннов, разделившие с ними и славу невиданных военных успехов и проклятие грабительских предприятий²¹. Но, кроме них, в Европе жили и действовали аланы, не подвластные гуннам и чаще всего враждебные им. Появление их в Юго-Восточной Европе логичнее всего предположить в составе остготских отрядов Алатея и Сафрака.

В 378 г. прибалканские провинции Римской империи стали ареной мощного восстания готов, не желавших примириться с положением, на которое обрекли их имперские власти. В этой борьбе их поддержали рабы и колонны, видевшие в победе «варваров» спасение от гнета со стороны рабовладельцев и крупных землевладельцев. Под Адрианополем состоялась битва, плачевная для римского войска: когда конница готов и алан обрушилась на врага, исход сражения оказался predetermined. Римляне бежали. Император Валент заживо сгорел в доме, где пытался спрятаться от преследователей²². Вскоре Алатей и Сафрак привели свою часть готов и алан в Паннонию и захватили ее в 379 году. В то время аланы постоянно числились среди наиболее опасных врагов империи. Примирение римлян с ними осуществил император Грациан, сформировавший из алан охранный отряд, который долго потом состоял в кадрах римской армии, сам же он постоянно щеголял в аланской одежде.

На историческом горизонте тех лет не исчезали и аланы, включенные в гуннский союз. В 383 г. они вошли в огромную армию федератов-гуннов и наемников-гуннов, служившую Италии. В первые годы V в. благодаря дружеским отношениям с одним из крупнейших военачальников империи, Стилихоном, часть гуннов и аланы не раз оказывались в центре борьбы между Римом и вестготским вождем Аларихом, воюя на стороне первого. В 402 г. аланская конница под предводительством Савла обрушилась на вестготов возле Поллентия и нанесла им существенный урон. Спустя три года гунны и аланы помогли Стилихону сокрушить еще одно готское нашествие с севера. В названных случаях гунно-аланские отряды выступали в качестве вспомогательных сил, защищая прогнившую империю от внешних опасностей и внутренних потрясений.

Нам представляется не бесспорной распространенная точка зрения, согласно которой уже в 370-е годы центр гуннского племенного союза переместился в Паннонию²³. Гуннам понадобилось определенное время для прочного освоения прежних аланских и готских владений, подавления очагов сопротивления и организации оказавшихся под их властью племен. Главная орда гуннов находилась тогда в Северном Причерноморье, куда и направляла Византия своих послов к ее вождям²⁴. Однако бесспорно, что интерес гуннского союза и его вассалов к западным, весьма богатым добычей областям сдерживался лишь временно, но отнюдь не отсутствовал. Принимая участие в войнах Рима и готов, гунны подготавливали почву для новых вторжений, угроза которых уже висела в воздухе. Эта мрачная перспектива тревожила и западную часть алан, нашедших пристанище в степном краю Паннонии.

²⁰ Аммиан Марцеллин. XXII, 8, 42.

²¹ Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев. 1899, стр. 24 сл.; G. Veǵnadsky. The Origins of Russia. L. 1959, pp. 48—79; В. А. Кузнецов, В. К. Пудовин. Аланы в Западной Европе. «Советская археология», 1961, № 2, стр. 79—85; T. Sulimirski. The Sarmatians. N. Y. 1970, pp. 207—250.

²² В битве на стороне «варваров» приняли участие и гунны, вероятно, наемники. Но возможно также, что в Падунавье действовала группа гуннов, оторвавшаяся от основной орды (И. П. Засецкая. Гунны в южнорусских степях (конец IV—первая половина V в. н. э.). Автореферат канд. диссерт. Л. 1971, стр. 5).

²³ См., например: G. Veǵnadsky. Op. cit., p. 53; В. А. Кузнецов, В. К. Пудовин. Указ. соч., стр. 83.

²⁴ E. A. Thomson. History of Attila and the Hunns. Oxford. 1948, pp. 60—79; М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 54—55; А. К. Амброз. Проблема хронологии раннесредневековой Восточной Европы. «Советская археология», 1971, № 2, стр. 104.

3. В поисках «спокойной земли»

К началу V в. положение западных алан значительно изменилось. Их блок с остготами распался, а отношения с вестготами стали враждебными. В то же время они сблизились с германскими племенами вандалов и свевов, пребывавших, в свою очередь, в давних дружественных связях с сарматами-язигами, поселившимися в Паннонии еще в начале н. э. Все это привело к созданию нового и достаточно прочного союза. Очередное переселение как раз и было осуществлено этим союзом. 31 декабря 406 г. стало началом важного события в тогдашней истории: вандалы, аланы, свевы переправились через Рейн и вторглись в Галлию²⁵. Переход (вероятно, по льду) совершился в районе нынешних городов Майнца, Вормса и Трира, разрушенных и сожженных нападавшими. Затем полчища союзников рассеялись по районам от Мозеля до Пиренеев. Современник событий поэт Орденций с горечью засвидетельствовал: «Одним костром дымилась вся Галлия»; удачная поначалу попытка отпора римлянам вандалам окончилась ничем, поскольку на помощь вторым подоспели аланы во главе с их вождем Респендиалом²⁶. Быстрое завоевание Галлии объяснялось, кроме всего прочего, сильным антирабовладельческим движением, цели которого частично совпадали с интересами вторгшихся «варваров». Стремившийся к объективности Сальвиан отмечал: «Бедняки ищут у варваров римской человечности, потому что они не могут снести у римлян варварской бесчеловечности»; 33 месяца длились бедствия одних и торжество других в Галлии, богатейшей из римских провинций²⁷. Ее падение положило начало окончательной дезорганизации и обескровливанию Западной Римской империи.

Но и единство алан было кажущимся. Некоторая их часть застряла близ Луары, другая — на берегах Роны, третья — около Гаронны. У алан, вообще решивших остаться в Галлии, нашелся вождь по имени Гоар. Прочие же, возглавленные Респендиалом, продолжали сопровождать вандалов и, перевалив Пиренеи в 409 г., направились с ними в Испанию. В результате и эта римская провинция была стремительно завоевана ворвавшимися в нее номадами, а затем разделена между ними. Аланам досталась средняя часть Лузитании (позднейшей Португалии) и Картагена. Однако следом за вандалами, аланами и свевами неотвратимо двигались орды вестготов, а устоять перед ними не хватило сил. В 416 г. последние вступили в Испанию, и два года спустя в кровопролитной сече аланы были разгромлены, их вождь Аддак убит, и с его смертью прекратило существование аланское государственное образование, только что возникшее на Пиренейском полуострове. Аланы были так ослаблены, что всецело подчинились вандалскому королю Гунтериху, а затем его преемнику Гейзериху. Но и вандалы не смогли защититься от вестготов. Не прошло и 11 лет, как Гейзерих также вынужден был отступать.

Поскольку далее на запад плескались волны Атлантики, оставалась дорога только в Африку. В мае 429 г. Гейзерих, учинив смотр отрядам, состоявшим из вандалов и аланов²⁸, переправил их в Африку, где, разгромив не без помощи рабов и кононов римские войска, создал свое новое государство. С тех пор аланы больше не упоминаются здесь как отдельная этническая группа населения. Дело заключается не в том, что пребывание захватчиков в Северной Африке плохо освещено источниками²⁹. Просто аланы утратили самостоятельность, окончательно влившись в союз племен, носивший главенствующее имя вандалов, и растворившись в нем³⁰. Лишь отзвуком былого являлся титул вандалских королей в Африке, поскольку все они — от первого (Гейзериха) и до последнего (Гелимера, свергнутого в 533 г.) — именовались «королями вандалов и алан». К моменту уничтожения вандалского государ-

²⁵ Подробнее о вандалской миграции вплоть до Африки см.: L. Schmidt. *Geschichte der Wandalen*. München. 1942; Ch. Courtois. *Les vandales en l'Afrique*. P. 1955. Ценные замечания содержатся в комментариях Е. Ч. Скржинской к сочинению Иордана (см. Иордан. Указ. соч.).

²⁶ Ю. Кулаковский. Указ. соч., стр. 34—35.

²⁷ F. Lot. *Les invasions germaniques*. P. 1935, p. 71.

²⁸ Прокопий из Кесарии. *Война с готами*. М. 1959, стр. 83.

²⁹ См. В. А. Кузнецов, В. К. Пудовин. Указ. соч., стр. 85.

³⁰ См. Г. Г. Дилигенский. *Северная Африка в IV—V вв.* М. 1961; F. Martroye. *Genséric*. P. 1907.

ства византийским войском Велизария³¹ об аланах реально здесь уже почти ничто не напоминало.

По-иному сложилась судьба алан, оставшихся в Галлии. В 411 г. они, предводительствуемые Гоаром, приняли деятельное участие в борьбе готов с императором Константином III в Южной Галлии, в результате чего подпали под контроль вождя готов Атаульфа. Зависимость была недолгой, ибо аланский вождь в 412 г. в дни осады одного из городов вместе с войском вдруг вошел в него для защиты местного населения, чем вынудил готов немедленно удалиться. Через два года аланы — уже в составе римского войска, оборонявшего Бордо от вестготов. Затем, вплоть до середины V в., их имя эпизодически звучит в связи с различными сражениями и походами в беспокойной Галлии. Так, Аэций, выдающийся полководец Римской империи тех лет, привлек гуннов и алан для войн с бургундами и вестготами. Он же в 439 и 441 гг. поселил часть алан во главе с вождем Самбидом во «внутренней Галлии» (возле Орлеана), причем расселение имело реальный вид вторичного завоевания и сопровождалось жестокими насилиями и экзекуциями за «измену» местного населения римскому императору³². Любопытно, что имя аланского вождя Эохара переводится как «Просоед». Это заставляет вспомнить многочисленные свидетельства античных авторов о просе как излюбленной пище сарматов³³.

Галльские аланы слабо подверглись воздействию римской культуры, сохранив кочевой быт³⁴. Заметна роль алан в знаменитой Каталаунской битве 451 г., возвестившей о крахе мощи «бича божьего» Атиллы. Вождь аланов Сангибан, находившийся в Орлеане и устранный слухами о непобедимости гуннских полчищ, дрогнул и обещал сдаться вместе с городом. Узнав о том, Аэций поспешил в Орлеан. Он укрепил город земляными насыпями, установил контроль над действиями Сангибана, а в день решающего сражения поставил аланское войско в середину своего боевого строя, окружив самого Сангибана рядами верных Риму воинов. Каталаунская сеча оставила о себе страшные воспоминания. «Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле, протекавший в низких берегах, ...от переполнения кровью превратился в целый поток... Те же, кого нанесенная им рана гнала туда в жгучей жажде, тянули струи, смешанные с кровью... Они глотали, когда пили, кровь, которую сами они, раненные, и пролили»³⁵. Вестготы и аланы выдержали основную тяжесть боя, и победа оказалась за Аэцием. Но Атила, едва оправившись от поражения, выступил против той части алан, которая жила за Луарой. И вновь союзники алан упредили его удар. Король вестготов Торисмунд «с крайней быстротой первый явился к аланам и уже подготовленный встретил движение войск подходившего Атиллы. Завязалась битва, почти такая же, какая была до того на Каталаунских полях»³⁶, и орды Атиллы вновь отступили. Эти победы, прервавшие губительную поступь гуннов, крайне ослабили галльских алан. В начале 460-х годов они еще совершали набеги в Северную Италию, но то были последние вспышки их активности. Вскоре галльские аланы, в свою очередь, растворились среди других народов и племен.

Та же участь постигла в конечном счете алан, сохранявших статус гуннских союзников и участвовавших в их завоеваниях. После смерти Атиллы (453 г.) его непрочная держава распалась. Прежние вассалы гуннов обрели независимость. В их числе были и аланы во главе с Кандаком. Они переселились в Нижнюю Мезию, в пределы Римской империи, слились там с романизованным населением и вскоре потеряли свое этническое лицо. Как раз в местной аланской среде вырос замечательный историк древности Иордан³⁷.

³¹ См. З. В. Удальцова. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане. «Византийский временник», 1953, № 6.

³² Ю. Кулаковский. Указ. соч., стр. 37—39.

³³ В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 42.

³⁴ Ю. Кулаковский. Указ. соч., стр. 39—40.

³⁵ Иордан. Указ. соч., стр. 107—109.

³⁶ Там же, стр. 110—111.

³⁷ См. предисловие Е. Ч. Скржинской к кн.: Иордан. Указ. соч. (там же библиография вопроса).

4. Загадки могил «европейских алан»

Выявление и изучение аланских древностей на маршрутах «великого переселения» народов затруднено многими причинами: и огромной территорией поисков, и малым отрезком времени пребывания алан в отдельных областях и странах, и чрезвычайной пестротой и сложностью этнической и культурной среды тогдашней Европы; и неразработанностью надежных критериев для сравнения (ибо аланы, ушедшие на запад, были сами этнически неоднородны, а культура их сородичей, оставшихся на Северном Кавказе, продолжала развиваться в совершенно других условиях), и, наконец, большим вниманием со стороны исследователей к памятникам готов, гуннов и вандалов. Тем не менее попытки поисков и определения конкретно аланских археологических комплексов принесли свои плоды³⁸.

Раскопки позднесарматских могильников на исходной территории показывают, что излюбленными формами погребального сооружения были подкурганые простые прямоугольные ямы, подбой и реже, катакомбы. Сарматские племена ранее всех в Восточной Европе (со II в. н. э.) стали прибегать к искусственной деформации черепов. Накануне гуннского натиска более 80% позднесарматских погребений дают деформированные черепа. Типично сарматской особенностью похоронного ритуала являлся обычай разбивать металлические зеркала (они были с ушком на тыльной стороне). Еще на рубеже н. э. в сарматском искусстве проявляется тенденция к полихромности ряда ювелирных изделий (украшение вставками из драгоценных камней и разноцветного стекла). К концу IV в. в сармато-аланских степях Северного Причерноморья и Северного Кавказа появляются специфические типы пластинчатых фибул — застежек для плащей, так называемые калачиковидные серьги и другие характерные украшения³⁹. Попыты картографирования названных признаков и сопоставление их результатов с локализацией алан по письменным источникам дают показательную картину.

Деформированные черепа из погребений конца IV—V вв. сосредоточены в Среднем Подунавье (Паннония и прилегающие к ней области). Здесь же фиксируется распространение металлических зеркал с ушком и калачиковидных серег. Пластинчатые фибулы и полихромные ювелирные изделия вновь дают большую густоту находок на Среднем Дунае, но достаточно известны также во Франции, Испании и Северной Африке. Большинство этих находок связано с одиночными грунтовыми могилами, лишенными внешних признаков, но, как правило, весьма богатыми (их иногда называют «княжескими»). На территории будущих Венгрии и Румынии появляются тогда чуждые местным традициям подбойные погребения, а в иных могильниках массовы черепа, обнаруживающие сходство с черепами сарматского времени Приазовья и Северного Прикаспия⁴⁰. На территории будущих Чехии и Австрии отмечены находки сосудов, близких керамике из позднесарматских погребений в Нижнем Поволжье, Прикубанье и Крыму⁴¹. Максимальная частота выделенных признаков отмечена в Среднем Подунавье, области наибольшей и длительнейшей концентрации западноаланских групп. Чем дальше на запад и ближе к середине V в., тем реже и глуше эти элементы: аланы растворяются в среде других народов. Все это служит подтверждением, что такие памятники, как погребения возле Кехстей и Чонграда (Венгрия), Дура и Левице-Лавы (Чехословакия), Зиммеринга,

³⁸ Особую ценность представляет труд Й. Вернера, хотя сам автор склоняется к выводу, что «опыты этнического определения» систематизированных им памятников «мало перспективны» (J. Wegner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München. 1956); см. также В. А. Кузнецов, В. К. Пудовин. Указ. соч., стр. 79—95 (единственный обзор, обобщивший археологические данные о пребывании алан в Центральной и Западной Европе).

³⁹ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры. Сборник «Вопросы скифо-сарматской археологии». М. 1953, стр. 204—230; А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. «Советская археология», 1963, № 4.

⁴⁰ K. Sági. Hun kori sír kesthelyen. «Archaeological Eresito». № 82(2), 1955; Г. А. Федоров, Н. Л. Полевой. Археология Румынии. М. 1973; L. Bartucz. Antropologische Beiträge zur I. und II. Periode der Sarmatenzeit in Ungarn. «Acta Archaeologica», № 13, 1961; Т. А. Тот, Б. В. Фирштейн. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Л. 1970.

⁴¹ T. Sulimírski. Op. cit., pp. 217—248.

Унтерзибенбрунна, Мархега и Лаа (Австрия), Эрана и Бёрепера (Франция), Байи (Португалия), Кудьят-Затера (Тунис), можно связать скорее всего с аланами. Каждая из этих могил восходит к индивидуальной судьбе людей той эпохи: гибель на войне или в походе, опала, бегство от преследователей и т. п.⁴² Так «европейские аланы» постепенно материализуются. Вчерашние, почти неразрешимые загадки сегодня получают ответ, мотивированный данными археологии, антропологии и искусствоведения.

5. Судьбы кавказских алан

В годы, когда одни аланы далеко на западе неуклонно ассимилировались, потомки их прежних соплеменников и сородичей, оставшиеся в Восточной Европе, начали оправляться от последствий гуннского нашествия. Большие массы разгромленных алан в конце IV в. отодвинулись из Подонья и Северного Прикаспия к Кавказскому хребту. Здесь, на Северном Кавказе, ими оставлено значительное число катакомбных могильников и поселений (преобладающая часть последних укреплена рвами, реже — валами и стенами). От правых притоков Кубани на западе (рр. Зеленчуки, Фарс) до р. Аксая на востоке⁴³, от Главного Кавказского хребта на юге до верховий Кумы, течения Малки и правобережья Среднего Терека простиралась основная территория исторической Алании раннего средневековья⁴⁴. Страна эта была густо населена и находилась в центре местной политической борьбы. Этнический состав северокавказской Алании не был однороден. Сами аланы — это ираноязычный массив населения, впитавший в себя представителей многих сарматских или сарматизированных групп. Прижатые напором гуннов к горам Кавказа, они не нашли их необитаемыми: абортинное население тут было многочисленно⁴⁵. Двусторонние общения пришельцев и коренных обитателей активизировались, и в состав Алании оказались включенными некоторые племена Центрального Кавказа, соседствовавшие с жителями Дарьяльского и Клухорского перевалов Закавказья. Об этнической пестроте горных районов Алании (на равнине доминирование алан быстро привело к этнической нивелировке населения) свидетельствуют письменные источники⁴⁶, а также разнообразие типов погребальных памятников, продолжавших во многом прежние традиции⁴⁷.

Соседями аланского объединения были: в Прикубанье — адыги, в зоне центральнокавказских перевалов — горные грузинские племена, далее к востоку — предки чеченцев и ингушей и горнодагестанские насельники. С севера о границы Алании бились волны бесконечного прибоя кочевников. Некоторые группы тюркоязычных кочевников (булгары, кипчаки) проникали в глубь аланских земель. А с V в. возрастает натиск Хазарского каганата, установившего затем контроль над аланами. Во время кровопролитных и затяжных хазаро-арабских войн Алания, поддерживав хазар против новых, еще более жестоких и хищных захватчиков, подверглась опустошительным походам арабских полчищ, из которых самым губительным был поход Мервана, в 735 г. возглавившего 150-тысячную армию⁴⁸. Аланы искали и нашли себе союзников в лице горнодагестанских племен и лидеров полугосударственных образований, прежде всего Серира в Аварии⁴⁹. В X в. наметился перелом.

⁴² А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 104.

⁴³ Х. М. Мамаев. Новые катакомбные могильники в предгорной и плоскостной Чечено-Ингушетии. «Тезисы докладов IV крупновских чтений». Орджоникидзе. 1974, стр. 39—40.

⁴⁴ Отдельные группы алан проникали и в иные районы Кавказа (Дагестан, Азербайджан).

⁴⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М. 1960; В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный. 1972.

⁴⁶ См. об этом: Ю. С. Гаглойти. Указ. соч.

⁴⁷ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М. 1962; Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М. 1971.

⁴⁸ С. А. Плетнева связывает именно с этим походом новое перемещение части алан в Подонье (С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М. 1967). В. А. Кузнецов (см. его рецензию на книгу С. А. Плетневой в журнале «Советская археология», 1969, № 2, стр. 298—299) предлагает иное объяснение аланской миграции: вторжение болгарской орды.

⁴⁹ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 170—365.

Теперь уже хазары⁵⁰ вынуждены были оценить своих бывших вассалов следующими словами: «Царство алан сильнее и крепче всех народов вокруг нас»⁵¹. А арабский географ Масуди свидетельствовал о том, что «аланский царь выступает в походах с 30 тысячами всадников. Он могуществен, мужествен, очень силен и ведет твердую политику среди царей»⁵².

Алания начинает играть заметную роль в политической жизни Кавказа. Ее союз ищут соперничающие Византия и Хазария; ее лояльности, а порою помощи добивается Грузия. Аланы вместе с серирцами и русскими дружинами предпринимают совместные походы в район Дербента. Даже поражение в войне с Хазарией в 932 г. и сильный удар, нанесенный равнинным аланам (ясам, как называли их русские документы) в 965 г. киевским князем Святославом, не очень подорвали мощь Алании. В XI в. она противостоит натиску кочевых орд половцев. Северные степные пастбища, попавшие в руки алан после падения Хазарии, были утеряны, но на собственно Аланию половцы не пошли. После этого установилось известное равновесие сил. Началось алано-половецкое сближение, кончившееся тем, что при посредстве грузинского царя Давида Строителя они «учинили друг с другом обоюдное согласие, между собою мир и любовь»⁵³. В те века источники сообщали о постоянном участии аланских дружин на правах вассалов, а чаще как наемного войска в военных предприятиях Византии⁵⁴. Представители аланской верхушки играют видную роль в династических связях Византии, некоторых княжеств Руси и особенно Грузии (более всего известен брак грузинской царицы Тамары с аланским царевичем Давидом Сосланом)⁵⁵.

Алания переживала тогда период наивысшего военно-политического и культурного подъема. За минувшие со времен гуннского нашествия века аланы проделали путь от кочевой жизни к городам. Почти полностью перейдя к оседлости, они сделали основой своего хозяйства пахотное земледелие, а отгонное скотоводство с предпочтительным разведением овец и коз являлось лишь отголоском прежнего быта скотоводов. Археологические источники, существенно дополняя скудые строки письменных документов, свидетельствуют о высоком уровне развития ремесла (металлургии, гончарного, ювелирного и оружейного дела, обработки камня, кости и дерева) с далеко зашедшей специализацией. Растут количественно поселения, в том числе укрепленные городища⁵⁶. Судить об этом можно не только по руинам, но и по впечатлениям очевидцев: «Царство алан представляет непрерывный ряд поселений настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов»⁵⁷.

Внутри городищ появляются цитадели — огражденные рвами и валами места обитания выделяющейся аристократии, родовой и племенной знати. В IX в. племенной союз, возглавленный аланами, приобретает черты раннефеодального государства. Среди первостепенных результатов раскопок аланских могильников (таких, как Змейский в Северной Осетии, Рим-горский в Пятигорье) нужно упомянуть четко прослеживаемое имущественное неравенство погребенных, за которым скрывалось неравенство социальное. Рядовым общинникам-аланам противостояли феодалы, опиравшиеся на конные дружины. Имелись в Алании и рабы. На рубеже I—II тыс. часть крупных аланских поселений превращается в городские селения полуаграрного ха-

⁵⁰ В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе. 1971.

⁵¹ П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л. 1932, стр. 116.

⁵² См. В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербента X—XI веков. М. 1963, стр. 206.

⁵³ М. Джанашвили. Известия грузинских летописей о Северном Кавказе. «Сборник по описанию местностей и племен Кавказа». Вып. 22. Тифлис. 1897, стр. 36.

⁵⁴ Ю. Кулаковский. Указ. соч., стр. 56; В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв., стр. 30—32.

⁵⁵ Давид — второй муж царицы Тамары. Но и первый ее супруг, Георгий (Юрий), был сыном аланки, жены Андрея Боголюбского.

⁵⁶ В. А. Кузнецов. Аланская культура и ее локальные варианты. «Советская археология», 1973, № 2, стр. 60—74.

⁵⁷ См. В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 56.

рактера. Ныне известно по крайней мере 5 таких городов, сложившихся на базе раннесредневековых поселений: Нижний Архыз, Рим-гора, Верхний и Нижний Джулат, Алхан-Кала. Последнее городище, по всей видимости, — ранняя столица алан, тот «благочестивый Магас», о котором упоминал Масуди⁵⁸. Раскопки выявили тут необычайное для других аланских поселений скопление культовых мест. Обширное поселение у Верхнего Джулата (Татартупа) сопоставляется со «славным яским градом Демяковым», хорошо знакомым нам по русским летописям⁵⁹. Аланские цари владели крепостями. Не раз упоминается в источниках могучая крепость в районе Дарьяла, охрану которой нес отряд якобы в 1 тыс. человек.

Стремление к политической централизации продиктовало отказ от язычества и принятие аланской правящей верхушкой христианства. Особенно сильным его влияние было в западных районах Алании, граничивших с Абхазией. Здесь существовал центр аланской епархии и были созданы великолепные образцы христианского зодчества — зеленчукские храмы. В междуречье Терека и Сунжи исконные верования, связанные с почитанием солнца, огня и обожествлением явлений неживой природы, держались крепче. Это, между прочим, создавало определенные трения между царем, его окружением и теми, кто предпочитал придерживаться традиционных верований. Христианизация части алан и связанное с нею приобщение к культуре Закавказья, Византии, а затем и Руси способствовали втягиванию северокавказских алан в общеевропейскую политику.

Во второй половине XII в. в аланском государстве начался период феодальной раздробленности. Современники отмечали, что теперь «сколько селений, столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села»⁶⁰. Эти сведения подтверждаются возникновением значительных скоплений поселений (типа тех, что находятся в окрестностях современных Баксана, Кубы, Заюкова, Сурхахи-Али-Юрта, Нальчика), тяготеющих к центральному, наиболее крупному из них. А в письменных источниках уже не встречаются упоминания об общеаланских царях. Зато все чаще идет речь о «мтаварах», «князьях», «ханах» и «эмирах», то есть местных феодальных владетелях. В неумении противостоять силам, раздиравшим Аланию на части, расписалась и церковь устами назначенного в аланскую епархию епископа Феодора («Кто я, чтобы мне быть вынужденным врачевать проповедью бедствия, одолевшие аланский народ?») ⁶¹.

6. Снова азиатские орды

Первый акт трагедии, связанной с очередным нашествием кочевников, разыгрался в 1222 году. Монголо-татарские войска, возглавленные Джебэ и Субудаем, пройдя через Дербентский проход, вышли на Северный Кавказ. Панику и ужас внушали они современникам⁶². Страшные слухи опережали их. Достигли слухи и алан. Последние призвали себе на помощь половцев и встретили врагов оружием. Сражение разыгралось где-то на восточной периферии Алании и не дало перевеса ни одной из сторон. Тогда монголо-татары подкупили аланских союзников лстивыми посулами и богатыми дарами; и вот половцы ушли. Тут татары снова напали на алан, разбили их и ударили уже по половцам. Страна алан подверглась опустошению⁶³, хотя в тот раз монголо-татары не проникли в самую глубь Алании. Тем не менее доминиканский монах Юлиан, побывавший там, не смог найти себе попутчиков «из-

⁵⁸ В. Б. Виноградов. Через хребты веков. Грозный. 1970, стр. 68—90.

⁵⁹ Е. И. Крупнов. Еще раз о местонахождении города Демякова. Сборник «Славяне и Русь». М. 1968, стр. 291—297; В. Б. Виноградов. Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и «славном яском граде Демякове». «Ученые записки» Чечено-Ингушского пединститута, вып. 26, 1968, стр. 62—70; В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв., стр. 157—162.

⁶⁰ «Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о его путешествии в страну приволжских венгерцев». «Записки» императорского Одесского общества истории и древностей (далее ЗООИД), вып. 5, 1863, стр. 99.

⁶¹ «Епископа Феодора Аланское послание». ЗООИД, вып. 21, 1898, стр. 27.

⁶² Киракос Гандзакци. История. Баку. 1946, стр. 39.

⁶³ К. Доссон. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. Т. 1. Иркутск. 1937, стр. 192.

за боязни татар, которые, по слухам, были близко»⁶⁴. Шквал кочевых полчищ опять сорвал с насиженных мест некоторые группы алан и либо погнав их впереди себя, либо понес вместе с собою. Именно с этих лет наполняются реальным содержимым упоминания об аланах (ясах) в Крыму, на Северо-Западном побережье Черного моря и в Подунавье, вплоть до Венгрии⁶⁵, а в составе войск монголо-татар начинают действовать крупные яские отряды.

Главные события в Алании разыгрались спустя 14 лет, когда монголо-татары напали на Русь и Северный Кавказ. Основные перевальные дороги в Закавказье, находившиеся под контролем алан, были мечтой захватчиков. Ненависть их к аланам подогревалась еще и тем, что те «поставили ногу состязания на черту сопротивления»⁶⁶. В 1238 г. на Аланию обрушился удар больших монголо-татарских сил. Центральным эпизодом борьбы стали осада и штурм «города М.к.с», отождествляемого с ранней столицей алан Магасом и связываемого с руинами Алхан-Калинского городища. Монголам пришлось потратить немало времени на правильную осаду, после которой в результате использования стенобитной техники город был взят, а население его перебито: «Они оставили от города только имя его и нашли там много добычи»⁶⁷. Свидетельства летописей подтверждаются фольклором, сюжеты которого связаны все с тем же городищем, центром восточноаланских земель⁶⁸.

На этот раз монголо-татары учинили погром преобладающей части равнинной зоны Алании, нанеся сокрушительный удар местной государственности и культуре. Правда, аланы продолжали борьбу, опираясь на горные районы. В 1246 г. Карпини, проезжавший через Северный Кавказ, отметил «некую часть алан, оказавших мужественное сопротивление и доселе еще не подчиненных им (монголам.— В. В.)»; он же рассказал о какой-то горе, которую аланы героически защищали вот уже 12 лет, нанося монголам серьезный урон⁶⁹. В 1253 и 1254 гг. тут побывал Рубруквис, и оба раза он записывал, что аланы «все еще борются против татар»; что аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха (монгольского военачальника.— В. В.) двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине»⁷⁰. Даже в 1318 г. горные районы, примыкающие к Тереку, были все еще не подвластны Золотой Орде. Вот почему приближенные бояре именно там предлагали искать спасения сопернику князя Юрия Московского князю Михаилу Тверскому, убитому затем в ставке золотоордынского хана Узбека.

Мужество сородичей в горах питало и огонь сопротивления алан на равнине. К воевавшему половецкому эмиру Бачману присоединился и сражался вместе с ним до конца эмир ясов Качир-укулэ с отрядом. Зимой 1278 г. восстал город Дедаком, за что был взят штурмом, разорен, сожжен, а вся округа его отдана на разграбление войскам монголов и их союзников⁷¹. Следствием неприятия монгольского ига явилось также переселение многих алан через Кавказский хребет на территорию нынешней Южной Осетии. Именно здесь, на обоих склонах Кавказского хребта в центральной его части, утратившие равнину аланы окончательно смешались с исконным горским населением, после чего их жизнь потекла по новому руслу, неотделимому от судеб соседних горских народов.

⁶⁴ «Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о его путешествии в страну приволжских венгерцев», стр. 99.

⁶⁵ Ю. Кулаковский. Указ. соч., стр. 61—70.

⁶⁶ Л. И. Лавров. Нашествие монголов на Северный Кавказ. «История СССР», 1965, № 5, стр. 98 сл.

⁶⁷ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.-Л. 1941, стр. 232 сл.

⁶⁸ В. Виноградов, В. Байбик. О памяти, о подвигах, о славе! Грозный. 1972, стр. 17—18.

⁶⁹ Дж. Карпини. История монгалов.— Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М. 1957, стр. 57, 64.

⁷⁰ Там же, стр. 111, 186.

⁷¹ В. А. Кучкин. Где искать яский город Тютяков? «Известия» Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XXV. 1966.